

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАН И КИТАЯ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИИ

Присутствие Китая в Центральной Азии, уже ведет к глубоким политическим и экономическим последствиям. Китай уделяет особое внимание энергетике центрально-азиатского региона и нацелен на продвижение своих экономических и политических интересов в каждом государстве этого региона.

Начиная с середины и конца 90-х годов прошлого столетия, Китай четко определил свои интересы в Центральной Азии – использовать регион обеспечения развития своих западных районов. В этих целях, китайские производители активизировали свое присутствие на рынках Центральной Азии, в результате в регион начали поступать крупные кредиты [1]. Страны Центральной Азии, в свою очередь, стали рассматривать Китай не только в качестве важного торгового партнера, но и в качестве стратегического инвестора и кредитора их экономик.

Учитывая недостаточное политическое влияние на международной арене, а также тот факт, что процесс модернизации Пекином военных сил страны продвигается медленными темпами, Китай, вряд ли, будет использовать политическую или военную силу для обеспечения своих интересов в Центральной Азии [2]. Китай и по сей день ограничивает все попытки воздействовать на правительства в регионе на политическом уровне, стремясь создать более безопасный и привлекательный климат для своих инвестиций в регион. Одним из примеров тому является кредит в размере 900 млн. долл. США, который Пекин предложил государствам-членам ШОС в 2004 году для реализации различных проектов (число которых к Саммиту 2006 года составило 127) при условии приобретения ими китайских экспортных товаров [3].

Особое внимание уделяется России, которая играет доминирующую роль в экономической, политической и других сферах в Центральной Азии. Как известно, Москва долгое время контролировала экспорт нефти из Каспийского региона.

В последние годы произошел ряд изменений, которые меняют эту реальность [4]. В регионе образуется новый треугольник с участием России, Казахстана и Китая [5] и любые действия с участием двух из трех указанных стран вызовет озабоченность третьей. В этой ситуации, энергетическое сотрудничество является стержневым для каждой стороны образующегося треугольника. Однако каждый участник указанного альянса стремится выйти за рамки энергетического сотрудничества.

Непосредственным последствием завершения строительства нефтепровода Казахстан-Китай для Казахстана является то, что Астана более не так сильно зависит от России в поставках своих углеводородов на внешние рынки. В связи

с этим, Казахстан оказывается в более комфортном положении в плане ведения переговоров с Россией. Китай же, предлагает обширный и постоянно растущий рынок, который, вероятно, сможет потреблять столько энергии, сколько Казахстан сможет поставлять [6]. К счастью, ШОС является эффективной переговорной площадкой и буферной зоной для Казахстана, Китая и России. «На геополитическом уровне, альянс Москвы и Пекина в ШОС выгоден, поскольку он служит стабилизирующим фактором в Центральной Азии» [7].

Исследования свидетельствуют о том, что казахстанско-китайское энергетическое сотрудничество на данном этапе не представляет вызовов для России и не может восприниматься как оказывающее негативное влияние. Однако, учитывая географическую близость Китая к Казахстану, следует ожидать негативное отношение Москвы к сотрудничеству между Казахстаном и Китаем в энергетической сфере, в частности, к новому нефтепроводу Казахстан-Китай. Но у России имеются на этот счет свои контрмеры. После завершения строительства трубопровода Атасу-Алашанькоу, российская национальная нефтяная компания Роснефть незамедлительно озвучила серьезную заинтересованность в наполнении ее дополнительными объемами российской нефти, подсоединив к нему соседнюю линию Омск-Павлодар, пролегающую из России в Казахстан. В ответ, до начала функционирования магистрали Атасу-Алашанькоу, Роснефть представила казахстанской стороне целый список предложений. Во-первых, расширить мощности трубопровода Омск – Павлодар и соединить его с линией Атасу-Алашанькоу. Во-вторых, установить объемы и составить график поставок Роснефтью нефти в Китай. В-третьих, установить транзитные сборы при транспортировке нефти через территорию Казахстана [8].

Россия заключила с Казахстаном и Туркменистаном сделку о строительстве прикаспийского трубопровода, которую широкий круг экспертов охарактеризовал как ответ на новый нефтепровод Казахстан-Китай, а также как усиление контроля Москвы над экспортными энергетическими маршрутами в Центральной Азии [9]. Другая сделка свидетельствует о приобретении Казахстаном больших привилегий от сотрудничества с Китаем. В 2008 году Москва и Астана достигли соглашения о поставке Казахстаном природного газа в Россию для переработки и экспорта в обмен на 50% акций российского газоперерабатывающего завода [10].

Интересной представляется точка зрения А. Блиника, который утверждает, что Россия, несмотря на то, что ее влияние на Казахстан ослабло лишь отчасти, может реально столкнуться с противоречивой ситуацией, если не выступит в пользу нефтепровода Казахстан-Китай[11].

Во-первых, как уже отмечалось, Казахстан наращивает свои производственные мощности и более чем рад поставлять энергоресурсы в Россию. Во-вторых, в настоящее время, Казахстан по этому трубопроводу в Китай российскую нефть. Кроме того, Китай является настолько обширным энергетическим рынком, что предложенные Казахстаном поставки 400 000 баррелей нефти в день, не окажут какого то ни было влияния на стремление Китая заполучить российские энергоресурсы [12]. Тем не менее,

Казахстан остается самым ценным партнером России в плане обеспечения Москвой своих геополитических и геостратегических приоритетов в Центральной Азии.

Энергетическая стратегия России в регионе базируется на принципах обеспечения контроля над ресурсами Центральной Азии в плане производства и транзита энергоносителей, а также приобретения доли в инфраструктуре и в энергетических компаниях-потребителях в Европе [13] и Китае.

Применимым для энергетического сотрудничества между Казахстаном и Китаем также является и поиск Россией возможностей сопротивления, которые ослабляются под давлением США и ЕС. К примеру, Россия, используя монополию Газпрома, в состоянии закупать нефть и газ по низким ценам, тем самым обеспечивая себя достаточными объемами энергоресурсов для экспорта. Россия учредила и стала председателем межправительственного газового картеля, который вновь укрепил ее господство в качестве экспортера газа посредством Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ). Кроме того, Россия попыталась создать новую инфраструктуру для транзита энергоносителей в Европу из региона Каспийского моря [14].

В дополнение к укреплению энергетического сотрудничества с центрально-азиатскими странами, и с учетом казахстанско-китайского сотрудничества в энергетической сфере, правительство России придерживается следующих четырех принципов:

- (а) минимизация экономического влияния США, Евросоюза и Китая в регионе;
- (б) отпугивание потенциальных энергетических конкурентов;
- (в) усиление энергетической зависимости Евросоюза от России;
- (г) сохранение роли всеобъемлющего и многостороннего зонтика безопасности среди стран Центральной Азии.

В реализации этих четырех принципов, основную проблему для России представляло противостояние сепаратистской и экстремистской деятельности. Твердое намерение правительства России укрепить свое военное присутствие в государствах Центральной Азии свидетельствует о серьезной приверженности Москвы оценке масштабов террористической угрозы в Центральной Азии [15].

Хорошей новостью для России является то, что политическое сотрудничество Казахстана и Китая в поддержании региональной стабильности и противодействии сепаратистской деятельности является более эффективным, чем сотрудничество в энергетической сфере. Фактически, политическое сотрудничество между Казахстаном и Китаем осуществляется и в более широких рамках - ШОС и других региональных соглашениях [16]. По этой причине, это сотрудничество не вызвало какой-либо существенной негативной реакции со стороны Кремля, что свидетельствует о благотворном влиянии сотрудничества между Казахстаном и Китаем. При этом, реакцией России на новое присутствие США в регионе стало открытие в ноябре 2002 года авиабазы в Кыргызстане, в дополнение к существующей базе в Таджикистане. Впоследствии, Россия укрепила обе базы.

Исследователь С. Пейруз отмечает, что «Присутствие Китая в Центральной

Азии будет иметь серьезные последствия в долгосрочной перспективе, поскольку оно способствует усилению политического влияния Пекина на центрально-азиатские режимы» [17]. Это также будет способствовать обеспечению сдержанного противовеса традиционному российскому доминированию, которое ни Турция, ни Иран не смогли обеспечить в 90-х годах прошлого века. В случае усиления «мягкой гегемонии Китая» в государствах Центральной Азии, Россия рискует утратить свое традиционное «право» на контроль над этим регионом. В этом случае Москва будет вынуждена вступить в жесткую конкуренцию с Пекином, которая может иметь серьезные геополитические последствия.

В дополнение к прямым последствиям для каждой страны в Центральной Азии, изменения в балансе сил в регионе, вызванные энергетическим сотрудничеством между Казахстаном и Китаем, несомненно, привлекают внимание также Соединенных Штатов и ЕС. Но, интересы США и ЕС принципиально отличаются. Приоритетами США являются поддержание региональной стабильности и налаживание военного сотрудничества, включая создание военных альянсов союзов, в то время как ЕС уделяет больше внимания экономическим аспектам, таким как энергетика. В 2011 году, тогдашний Премьер-министр Карим Масимов однажды определил сотрудничество в энергетической сфере в качестве «основы» отношений между его страной и Европейским союзом. По мнению ряда исследователей, интересы Вашингтона в Центральной Азии после событий 11 сентября 2011 года фокусируются на двух основных аспектах: борьбе против терроризма и энергетических ресурсах в бассейне Каспийского моря [18].

В реальности, отношение США и ЕС к вовлеченности Китая в Центральной Азии противоречиво, так как она имеет разные последствия для их политических и экономических интересов. С одной стороны, как отмечалось выше, казахстанско-китайское сотрудничество способствует укреплению независимости Казахстана, позволяя ему развивать освоение своих энергоресурсов и их экспорт на европейские рынки. Но Китай, в качестве быстро растущего потребителя энергии, неизбежно становится потенциальным конкурентом США и ЕС в Центральной Азии. С другой стороны, с политической точки зрения, китайская модель развития демонстрирует возможность применения формы развития в рамках авторитарного режима, которая противоречит интересам западных стран, придерживающихся принципов демократии.

Исследователь Вейтц определяет пять факторов, способствовавших занятию Казахстаном видного места в повестке дня ЕС:

(1) продолжительные трения с Россией по энергетическим вопросам усилили заинтересованность европейцев в импорте нефти и природного газа из прикаспийских государств, а также в содействии обеспечению их независимости от Москвы;

(2) Казахстан является крупнейшим торговым партнером ЕС в Центральной Азии и, по этой причине, высокие темпы его экономического роста весьма привлекательны для ЕС в плане дальнейшего расширения торговли с этой

страной;

(3) ухудшение ситуации с безопасностью в Афганистане, вызванное повстанческим движением Талибан, выращиванием и торговлей опиума, стимулировали усилия ЕС по содействию соседним с Афганистаном государствам в борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков;

(4) правительства стран ЕС придают важное значение политическим и экономическим реформам в Центральной Азии и призывают правительства региона к их продвижению. К примеру, лидеры ЕС поддержали предложение Казахстана на председательство в ОБСЕ лишь после того, как Астана согласилась продвигать политические и экономические свободы;

(5) с точки зрения многих стран ЕС, с экспансией Евросоюза на Восток указанные выше вопросы приобрели большую актуальность [19].

Одной из причин тому является, на их взгляд, обеспечение социальной стабильности и антитеррористической активности, гарантируемых политическими реформами, учитывая, что терроризм является не только угрозой для отечественного бизнеса, но и для общественной безопасности других стран. С экономической точки зрения, реформы и либерализация позволят преодолеть барьеры в доступе к ресурсам Центральной Азии, а также на внутренние рынки.

Интересы ЕС, которые как обычно разделяют повестку дня "Запада", проще, чем интересы США. В 2010 году товарооборот между Казахстаном и ЕС составил свыше 15 млрд. евро (порядка 20 млрд. долл. США). Около 85% экспорта Казахстана в ЕС составляет нефть и газ. Высокая зависимость от нефтяных маршрутов, а также трубопроводов, в основном контролируемых Россией, является главной проблемой для стран ЕС в сфере энергетики. ЕС стремится разрушить монополию поставок России и диверсифицировать экспортные маршруты и источники.

В случае перехода отношений ЕС с Россией в русло более тесного экономического и стратегического партнерства, партнерство Казахстана с ЕС, включая участие во многих программах Евросоюза, может значительно укрепиться. В первом десятилетии 21 века, с ростом цен на энергоносители, усилилась заинтересованность ЕС в Казахстане, а также расширились масштабы участия европейских компаний в нефтяной и газовой отраслях Казахстана. Подписанный в декабре 2006 года Меморандум о взаимопонимании между Казахстаном и ЕС, определил рамки более глубокого сотрудничества в энергетической сфере.

Углубление сотрудничества в энергетической сфере между Казахстаном и Китаем оказывает как положительное, так и негативное влияние на энергетическую политику и стратегию ЕС. С одной стороны, прямые последствия присутствия Китая и расширения влияния в Казахстане, а также в Центральной Азии, могут рассматриваться некоторыми учеными в качестве негативных, т. е. в качестве сигнала странам ЕС об усилении конкуренции в борьбе за энергоресурсы. Однако, на данном этапе, энергетическая конкуренция на национальном уровне, по-прежнему, весьма ограничена. Значительные транспортные издержки в определенной степени подрывают экономические

выгоды использования Казахстаном трубопровода Атасу-Алашанькоу [20].

На уровне компаний, экспортерами большей части нефти и газа из Казахстана в ЕС являются такие крупные нефтяные компании как «British Petroleum» и «Chevron». Но теперь Китай стремится заполучить долю в казахстанской нефти, что означает, что КННК собирается претендовать на нефтяные месторождения в Казахстане. В связи с этим вполне логично ожидать возникновение определенной конкуренции. Как отмечалось ранее, несмотря на действенность нефтяной дипломатии Пекина, национальным нефтяным компаниям Китая удалось приобрести лишь несколько некрупных месторождений. Учитывая, что большая часть ценных нефтяных месторождений контролируется мировыми нефтяными гигантами, продвижение китайских компаний не способствовало возникновению серьезной конкуренции с европейскими и другими нефтяными компаниями в Казахстане.

С другой стороны, казахстанско-китайское энергетическое сотрудничество на региональном уровне может косвенно способствовать закреплению присутствия в регионе Евросоюза, поскольку это сотрудничество ослабляет монополию России на транспортировку центральноазиатской нефти. Как уже отмечалось выше, Россия стремится использовать энергетическую политику для укрепления своего влияния в регионе и самый действенный рычаг для этого применяется именно в энергетическом секторе - Москва изначально довольствуется монополией на все нефте- и газопроводы на территории бывшего Советского Союза. Вплоть до 2001 года Казахстан практически всю свою нефть экспортировал через трубопровод Атырау-Самара, оставаясь уязвимым политическим амбициям Москвы. Ситуация изменилась после завершения строительства трубопроводов БТД и Атасу-Алашанькоу, пролегающих в обход России.

Интересен вопрос, касающийся треугольника Россия-Китай-ЕС в Центральной Азии, при котором наблюдается следующее: рост активного присутствия Китая в Казахстане способствовал ослаблению влияния России на Астану.

В настоящее время Казахстан располагает тремя вариантами экспорта своей нефти: посредством расширения существующего трубопровода КТК, пролегающего через Россию, до побережья Черного моря; поставляя дополнительные объемы нефти в трубопровод БТД; и, транспортируя нефть на восток в Китай по новому трубопроводу. Обеспечив больше независимости и пространства для маневра, Казахстан будет в состоянии регулировать экспорт между этими тремя каналами.

Гипотеза о том, что энергетическое сотрудничество между Казахстаном и Китаем не оказало негативного влияния на геополитические интересы международных игроков в регионе, оспаривается некоторыми европейскими учеными [21]. Подписанное между Казахстаном и Китаем в 1995 году и вступившее в силу в 1999 году Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, заложило правовую основу для переговоров по более конкретным соглашениям по вопросам торговли, инвестиций и энергетики. В частности, обе страны подтвердили приверженность поддержанию постоянного диалога по вопросам

демократии, прав человека, экономического развития, верховенства права и других вопросов. Как утверждает С. Пейруз, тесное партнерство с Китаем может гарантировать Казахстану больше переговорных рычагов через соблюдение соглашения. В обозримом будущем намечается тенденция, когда Казахстан сможет больше полагаться на Китай в плане приобретения технологий и реализации ориентированных на рынок реформ в своей правовой системе. В таком случае, Казахстан сможет отказаться от требований, относящихся к вопросам демократии и прав человека, зафиксированных в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве за счет уменьшения зависимости от технологий Европейского Союза [22]. Однако, «... сотрудничество между Казахстаном и Китаем может препятствовать продвижению ...демократии, верховенства закона и прав человека» [23].

Как отмечалось выше, многие ученые не решаются утверждать, что амбиции Китая в Центральной Азии вызвали внутренний конфликт в регионе. Обсуждение разнящихся интересов двух стран свидетельствует о том, что казахстанско-китайское энергетическое сотрудничество в настоящее время выгодно для обеих стран. Однако, в долгосрочной перспективе, эти интересы могут вызвать потенциальные политические и экономические риски. Кроме того, региональные и международные игроки, такие как Россия, США и ЕС могут подорвать это сотрудничество. Следует отметить четыре основных потенциальных риска казахстанско-китайского сотрудничества: во-первых, «проклятие ресурсов» и «бремя индустриализации»; во-вторых, критическое отношение в Казахстане к китайским компаниям; в-третьих, критика внутри Казахстана коррупции и «плохого имиджа» Китая; в-четвертых, недовольства со стороны России, США и ЕС.

Астана придерживается позиции, согласно которой политическое сотрудничество с Китаем позволит ослабить зависимость Казахстана от России и способствовать обеспечению баланса политических сил в регионе. Таким образом, страной, для которой это вызовет серьезные последствия, будет Россия, которая утратит свои доминирующие позиции в Казахстане, или даже во всем центрально-азиатском регионе. Однако, несмотря на то, что в настоящем исследовании утверждается, что указанное сотрудничество на данном этапе не воспринимается в качестве подрывающей роль России в Центральной Азии, тенденции продвижения Китая в качестве мощного игрока в регионе, безусловно, привлекают пристальное внимание и вызывают соответствующую реакцию со стороны ключевого игрока в регионе - России. С помощью ШОС, которая превратилась в буферную зону для потенциального конфликта между Китаем и Россией, конкуренция между этими двумя странами фокусируется больше на выигрышном для них экономическом сотрудничестве с Казахстаном.

Что касается конкуренции за энергоресурсы, Россия с момента зарождения казахстанско-китайского взаимодействия предприняла решительные меры по конкретизации своего сотрудничества с Казахстаном.

Одним из важных моментов является то, что после подписания Китаем и Казахстаном соглашения о нефтепроводе Атасу-Алашанькоу, Россия и

Казахстан в сентябре 2010 года подписали ряд соглашений, в том числе по охране трансграничных водных бассейнов и по приграничному сотрудничеству. Также, между двумя странами был подписан Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества между национальными операторами железных дорог, что рассматривается экспертами в качестве соперничества России с Китаем в «покупке» поддержки Казахстана. Еще одной потенциальной угрозой, связанной с присутствием Китая в Центральной Азии, является возможная реализация Пекином своей «мягкой гегемонии». Можно предположить, что если Пекин попытается использовать политические рычаги для расширения своей экономической экспансии в Казахстане или Центральной Азии, Россия вступит в ожесточенную геополитическую конкуренцию с Китаем.

Аналогичная проблема возникает и перед ЕС и США против России в экономическом соревновании с Китаем в Казахстане, хотя объемы их прямых иностранных инвестиций значительно снизились вследствие глобального финансового кризиса.

Запад в настоящее время не проявляет особой реакции на прогрессирующее присутствие Китая в Казахстане. Это может означать, что ЕС и США пока не испытывают давления со стороны Китая, отчасти потому что они уже заняли лучшие нефтегазовые ресурсы. Однако, с дальнейшим углублением сотрудничества между Казахстаном и Китаем, ЕС и США могут начать ощущать на себе ту же степень давления, которую ныне испытывает на себе Россия.

Цитируемая литература

1. Matusov, E. Applying a Sociocultural Approach to Vygotskian Academia: Our Tsar Isn't Like Yours, and Yours Isn't Like Ours // *Culture & Psychology*. - 200814(1): 5-35
2. Burles, M. (1999). *Chinese Policy toward Russia and Central Asian Republics*. Santa Monica (CA): RAND Corporation
3. China Daily (2006). *US\$900m loans to SCO members for China exports*, May 31.
4. Cohen, Ariel. (2006) *U.S. Interests and Central Asian Energy Security*. The Heritage Foundation: Background.
5. Cutler, R. (2004). *Emerging triangles: Russia-Kazakhstan-China*. *Asia Times*, Jan. 15.
6. Blinick, A. (2008). *The Kazakh-China Oil Pipeline: "A Sign of the Times"*. Working paper. Retrieved from [http://www.cctr.ust.hk/materials/working_papers/WorkigPaper22-Blinick.pdf] on Dec.19, 2012
7. Peyrouse, S. (2009). *Central Asia's growing Partnership with China*. EUCAM Working Paper No. 4, October, Bruxelles: EUCAM: P. 34
8. Socor, V. (2006). European Union's Energy paper: a muffled call to a slow wakeup. *Eurasia Daily Monitor* 3: P. 6.
9. См. Blinick, A. Op. cit.
10. Kimmage, D. (2006). *Central Asia: Turkmenistan–China Pipeline Project Has Far-Reaching Implications*. Radio Free Europe/RadioLiberty, Apr.10.
11. См. Blinick, A. Op. cit.
12. Ibid.

13. Cm. Marketos, T. (2009). *China's Energy Geopolitics. The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia*. London: Routledge
14. Ibid.
15. Norling, N. (2006). *First Kabul Conference on Partnership, Trade and Development in Greater Central Asia*. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. Washington D.C., p. 6.
16. Omelicheva, M. (2010). Russia's Counterterrorism Policy: Variations on an Imperial Theme. *Perspectives on Terrorism* 3(1): 15- 28.
17. Peyrouse, S. (2007). The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China. *China and Eurasia Forum Quarterly* 5(2). – P.21
18. Cornell, S. (2004). *The United States and Central Asia: In the Steppes to Stay?* *Cambridge Review of International Affairs* 17 (2): 239-254.
19. Weitz, R. (2008). *Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia*. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies. – P. 189.
20. Dave, B. (2007). *The EU and Kazakhstan Balancing Economic Cooperation and Aiding Democratic Reforms in the Central Asian region*. CEPS Policy Briefs.
21. Blank, S. (2011). Dragon Rising: Chinese Policy in Central Asia. *American Foreign Policy Interests*, 33(6): 261-272; Dave, B. (2007); Peyrouse, S. (2009). *Central Asia's growing Partnership with China*. EUCAM Working Paper No. 4, October, Bruxelles: EUCAM. – P. 15.
22. Peyrouse, S. (2009).
23. Weitz, R. (2008). .- P.56